

ПРАВО НА СМЕРТЬ И ПРЕКРАЩЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПРАВОСУБЪЕКТНОСТИ ГРАЖДАНИНА

Аннотация.

Актуальность и цели. Статья 17 Конституции РФ закрепляет общее правило, согласно которому основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Таким образом Основной закон устанавливает юридический момент возникновения прав гражданина. Однако вопрос о юридическом моменте прекращения наличия прав остается открытым. Цель работы – определить основные характеристики прекращения правосубъектности гражданина в контексте права на смерть, провести анализ решений Европейского Суда по правам человека в названной сфере.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач была достигнута на основе анализа действующих нормативных актов, определяющих возникновение и прекращение правосубъектности гражданина. В качестве методов исследования были использованы метод анализа нормативно-правового регулирования, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

Результаты. Выделены особенности прекращения правосубъектности гражданина в Российской Федерации. Приведен анализ некоторых решений Европейского Суда по правам человека применительно к теме исследования.

Выводы. Подчеркивается, что методы гражданско-правового регулирования применительно к определению правосубъектности гражданина неприменимы в некоторых случаях.

Ключевые слова: правосубъектность, права человека, смерть, Европейский Суд по правам человека.

А. А. Ryzhova

THE RIGHT TO DEATH AND TERMINATION OF CITIZEN'S LEGAL PERSONALITY

Abstract.

Background. Article 17 of the Constitution of the Russian Federation establishes the general rule that the fundamental human rights and freedoms are inalienable and belong to everyone from birth. Thus, the Basic Law constitutes the legal moment of origin of the citizen's rights. However, the question of the legal moment of termination of rights remains open. The aim of the work is to determine the main characteristics of citizen's legal personality termination in the context of the right to die, as well as to analyze decisions of the European Court of Human Rights in the said field.

Materials and methods. The research tasks were implemented through analyzing the existing regulations that define the origin and termination of legal personality. For these purposes the author used the method of legal regulation analysis, formal legal and comparative legal methods.

Results. The researcher has pointed out legal personality termination features in the Russian Federation, as well as analyzed some decisions of the European Court of Human Rights in relation to the research topic.

Conclusions. The article emphasizes that the methods of civil-legal regulation in relation to determining legal personality do not apply in some cases.

Key words: personality, human rights, death, European Court of Human Rights.

Статья 17 Конституции РФ закрепляет общее правило, согласно которому основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения. Таким образом Основной закон устанавливает юридический момент возникновения прав гражданина. Однако вопрос о юридическом моменте прекращения наличия прав остается открытым. Международно-правовые документы в числе первых прав человека закрепляют право на правосубъектность. Нормативное закрепление указанного права осуществляется в различных формах. Например, ст. 6 Всеобщей декларации прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.) предусматривает: «Каждый человек, где бы он ни находился, имеет право на признание его правосубъектности». Но и в этом случае документ указывает на возникновение правосубъектности, умалчивая о ее прекращении.

Большинство ученых-юристов ссылаются на ч. 2 ст. 17 Гражданского кодекса РФ, согласно которой правоспособность гражданина возникает в момент его рождения и прекращается смертью. При этом общее понятие правоспособности трактуется достаточно широко: «Правоспособность есть закрепленная законом за гражданами или организациями возможность иметь любые права и нести любые обязанности из числа предусматриваемых для данной области общественных отношений соответствующей системой объективного права» [1]. Как видно, одним из ключевых положений в представленной позиции выступает «возможность иметь любые права». Такая трактовка удобна, поскольку при ней момент прекращения правоспособности определяется таким фактом, который возможно установить. Таким образом, факт смерти влечет прекращение правоспособности, поскольку прекращается существование субъекта права.

Однако подобный подход следует подвергнуть критике. Статья 2 ГК РФ устанавливает предмет регулирования гражданского законодательства, который очерчен, с одной стороны, кругом субъектов гражданского оборота, а с другой – кругом общественных отношений. Действительно, ГК РФ не может вклиниваться в круг конституционных правоотношений. Основные права человека и гражданина имеют свое конституционное закрепление (гл. 2 Конституции РФ), представляют собой самостоятельный конституционно-правовой институт. Напомним также, гражданское право – отрасль частного права, конституционное – отрасль публичного права.

Ярким примером различных подходов к пониманию содержания тех или иных прав человека в различных отраслях права служит Постановление Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) от 2 июня 2005 г. по делу «Знаменская против России». Тем более, что в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы нашего государства. Пункт 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации» указывает, что Европейская конвенция о защите прав человека и ос-

новых свобод имеет собственный механизм, который включает обязательную юрисдикцию ЕСПЧ. Решения, принятые данным органом в отношении нашего государства, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов.

Фактическим основанием принятого решения ЕСПЧ стали действия российских органов регистрации актов гражданского состояния в отношении мертворожденного ребенка гражданки Знаменской. Его отцом был записан гражданин З., который являлся официальным супругом Знаменской. Работники ЗАГСа руководствовались нормами Семейного кодекса РФ и Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния». Однако Знаменская просила записать отцом ребенка гражданина Г., с которым вела фактические супружеские отношения. Гражданин Г. не отрицал своего отцовства, находился в период рассмотрения спорной ситуации в местах лишения свободы, где и скончался в 1997 г. Спустя три года Знаменская обратилась в районный суд с заявлением об установлении отцовства гражданина Г. в отношении мертворожденного ребенка. К этому моменту скончался и бывший супруг Знаменской, который был записан в документах как отец ребенка. Показательна мотивировочная часть судебного решения районного суда, вынесенного не в пользу Знаменской. Суд, ссылаясь на нормы гражданского и семейного законодательства, постановил, что мертворожденный ребенок не приобрел гражданские права, не обладал гражданской и семейной правоспособностью [2]. Таким образом, было прекращено производство по делу, поскольку требования заявительницы не могут быть разрешены в рамках гражданского судопроизводства. Московский городской суд подтвердил решение районного суда, мотивировав общим правилом, что мертворожденный ребенок не приобрел гражданские права.

Не удовлетворившись указанными решениями, Знаменская обратилась с жалобой в ЕСПЧ, указав на нарушения российских властей ст. 8 ЕКПЧ. При этом заявительница ссылаясь на Постановление Европейского Суда по правам человека от 27 ноября 1994 г. по делу «Кроон против Нидерландов». В представленном деле фактология выглядела следующим образом. Госпожа Кроон поддерживала постоянные отношения с господином Зерруком, несмотря на то, что сохраняла официальные супружеские отношения со своим мужем, который считался исчезнувшим. Развод был оформлен только после рождения ребенка, отцом которого был Зеррук. На основании семейного законодательства голландские власти отказали Кроон в признании отцовства Зеррука (несмотря на то, что тот факт отцовства признавал). В указанном решении ЕСПЧ сформулировал один из аспектов права на уважение семейной жизни – «принцип превалирования биологической и общественной действительности над установленной законом презумпцией, существующей вопреки как установленным фактам, так и воле заинтересованных лиц». ЕСПЧ также подчеркнул, что правовая презумпция, перечеркивающая биологическую действительность, не приносит кому-либо реальной пользы. Нидерланды были признаны виновными в нарушении ст. 8 ЕКПЧ.

Знаменская как раз обосновала свою жалобу биологической действительностью, которая должна превалировать над презумпцией в семейном

праве нашего государства, подчеркнув, что и в ее случае нормы Семейного кодекса РФ не приносят реальной пользы.

ЕСПЧ, анализируя содержание права на уважение семейной жизни, исходил из того, что в деле Знаменской личные связи не могли проявиться, поскольку и ребенок родился мертвым, и биологический отец на момент рождения находился в местах лишения свободы, а впоследствии умер. Однако ЕСПЧ принял во внимание проявление «сильной связи с плодом», которая выражалась в вынашивании его почти до полного срока, желании дать имя и похоронить. Таким образом, все это оказало влияние на ее личную жизнь, уважение которой также гарантируется ст. 8 ЕКПЧ.

ЕСПЧ также принял во внимание тот факт, что российские суды ни в одном из своих решений не сослались «на какие-либо законные или убедительные причины для сохранения status quo». Более того, в официальном ответе Российской Федерации было фактическое признание ошибки со стороны органов судебной власти. Таким образом, ЕСПЧ подтвердил свою позицию о превалировании биологической действительности над правовой презумпцией.

Можно особо отметить, что ЕСПЧ не анализировал ст. 2 ЕКПЧ – право на жизнь – применительно к данному делу. Отчасти это обусловлено тем, что сама Знаменская в своей жалобе не ссылалась на нарушение права на жизнь плода и не считала, что данное право возникает с момента зачатия. Однако во многих юридических комментариях именно постановление ЕСПЧ по «делу Знаменской» стало рассматриваться как предтеча толкования момента возникновения права на жизнь с момента зачатия [3–5]. Такой трактовке способствует также Особое совместное мнение судей К. Л. Розакиса, С. Ботугаровой и К. Хаджиева, в котором признавался довод о наличии «тесной эмоциональной связи матери с мертворожденным ребенком», которая представляет собой элемент частной жизни матери (ст. 8 ЕКПЧ). В то же время выражалось сомнение, что частная жизнь матери включает право требования признания отцовства мертворожденного. В Особом мнении судьи разделили частную жизнь матери и частную жизнь ребенка, границы которых не совпадают. Ребенок, если бы родился живым, мог претендовать на позитивные обязательства государства, но он родился мертворожденным. В Особом мнении отмечается: «Но даже если мы предположим, *arguendo* (*Arguendo* – лат. в ходе аргументации, в порядке попутного замечания иллюстративного характера), что личная жизнь матери может повлечь за собой подобного рода право, все же остается открытым вопрос, не было ли оправдано вмешательство Государства, выраженное в том, что оно не дало своего согласия признать биологического отца ребенка частью права матери на уважение ее личной жизни фактом, что наиболее заинтересованное лицо – отец ребенка – не был жив на момент подачи заявления и, следовательно, не мог защитить свои права в отношении своего имени и своей семейной жизни».

Указанные постановления ЕСПЧ показательны в части различного понимания тех или иных институтов нормами семейного законодательства и прецедентной практикой международной инстанции. «Дело Знаменской» позволяет также сделать вывод, что момент смерти не приводит к автоматическому прекращению действия отдельных прав, а, наоборот, обуславливает включение международно-правового механизма защиты фундаментальных ценностей, предусмотренных ЕКПЧ применительно уже к мертвому человеку.

Определению момента смерти человека и прекращения реанимационных мероприятий посвящена ст. 66 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6]. Постановлением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950 утверждены Правила определения момента смерти человека, в том числе критерии и процедура установления смерти человека. Общий принцип исходит из того, что моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека). Биологическая смерть человека устанавливается на основании наличия ранних и (или) поздних трупных изменений. Однако традиционно юристами выделяется также такой вид смерти, как клиническая, сопровождающаяся остановкой сердца [7]. При наступлении клинической смерти реанимационные мероприятия не прекращаются, они в ряде случаев позволяют вернуть человека к жизни.

Современная медицина выработала также такое явление, как стойкое вегетативное состояние, при длительном нахождении в котором врачи рекомендуют отключать аппаратуру, искусственно поддерживающую жизнедеятельность. В то же время есть значительное число примеров обретения сознания гражданами после долгого пребывания в коме: Терри Уоллес (США, штат Арканзас) очнулся через 20 лет после попадания в автокатастрофу [8], житель Пекина прожил в коме более 13 лет [9], поляк Ян Гжебски очнулся после 19 лет нахождения в бессознательном состоянии [10]. Клиницистам хорошо известны случаи длительного пребывания пациентов в коматозном состоянии, причем нет единства во мнении о констатации в разных случаях смерти мозга.

Обращение к постановлениям ЕСПЧ также позволяет выделить особенности международной практики определения момента прекращения правосубъектности человека. Одним из значимых следует назвать Постановление Большой палаты ЕСПЧ от 15 июня 2015 г. по делу «Ламбер и другие против Франции». Винсент Ламбер в 2008 г. попал в автомобильную аварию, в результате которой была получена серьезная черепно-мозговая травма. В течение пяти лет улучшения ситуации не происходило. Ламбер был парализован, у него были нарушения глотательного рефлекса, на боль реагировал, но социальные коммуникации не поддерживал. Было сделано значительное число исследований, включая томографию головного мозга. Перед принятием врачами решения о прекращении питания и гидратации было проведено девять консультаций с различными специалистами, которые подтвердил полную бесперспективность оказания медицинской помощи. Однако подобные консультации разделили семью: жена Винсента – Рашель Ламбер, его шесть братьев и сестер выступали за прекращение ухода. Родители (будучи католиками) и двое братьев и сестер выступили против. 11 января 2014 г. лечащий врач – доктор Каригер – объявил о своем намерении прекратить искусственное питание и гидратацию пациента. 13 января решение было обжаловано в административный суд, и уже 16 января было вынесено решение об отложении исполнения решения лечащего врача. 31 января данное решение было обжаловано в Государственном совете Франции, который после проведения экспертиз вынес постановление 14 февраля 2014 г. о направлении материалов дела в различные экспертные инстанции. Итоговое решение было вынесено

24 июня 2014 г. Государственный совет Франции признал правомерным решение лечащего врача Винсента Ламбера о прекращении искусственного питания и гидратации пациента. Родственникам также было отказано в переводе Винсента Ламбера в другое медицинское учреждение.

Родители Ламбера обратились в ЕСПЧ, который был поставлен в трудное положение, хотя бы по тому вопросу, кто именно может представлять интересы – супруга или его родители. Рашель Ламбер настаивала на том, что родители не могут принимать решения за ее мужа, поскольку он от них «морально и физически отдалился». ЕСПЧ в этой части принял решение, удовлетворяющее все стороны: родители были признаны стороной по делу, а Рашель была привлечена в качестве третьей стороны. Однако некоторые выводы, сформулированные ЕСПЧ по существу дела, породили множество споров в юридической доктрине. Так, в Постановлении указывается: «Европейский Суд напоминает, что статья 2 Конвенции является одной из наиболее важных положений Конвенции, которая в мирное время не допускает никаких отступлений в соответствии со статьей 15 Конвенции, и что она устанавливает строгие исключения, определенные в ней. Тем не менее в контексте позитивного обязательства государства при решении сложных научных, правовых и этических вопросов, связанных, в частности, с началом или концом жизни, и при отсутствии консенсуса среди государств-членов Европейский Суд признавал, что последние имеют определенные пределы усмотрения».

К Постановлению было написано Особое мнение судей Гаджиева, Шикуты, Цоцория, Де Гаэтано и Грицко, которое отличается резкостью главного вывода: «...предлагается не больше и не меньше, чем то, что лицо с тяжелой формой инвалидности, которое не в состоянии сообщить свои пожелания о своем текущем положении, на основании ряда сомнительных предположений может быть лишено двух основных вещей первой необходимости, а именно пищи и воды, и, более того, что Конвенция бессильна перед лицом этой реальности. Мы считаем, что такое заключение не только пугает, но, и мы очень сожалеем, что должны сказать, что это равносильно ретроградному шагу в степени защиты, которую Конвенция и Европейский Суд до сих пор предоставляли уязвимым группам людей».

К Постановлению Суда был дан комментарий профессором А. И. Ковлером (напомним, что он был длительное время судьей ЕСПЧ от России), указавшим на уточнения законодательства Франции об эвтаназии: «Гуманные французские законодатели внесли весной 2015 года изменения в Закон 2005 года. Отныне после принятия решения медицинской коллегией (совместно с родственниками или самостоятельно) об отключении жизнеобеспечения безнадежных пациентов их будут усыплять (*dormir avant de mourir*), чтобы они не испытывали страданий от голода и жажды. Одновременно депутаты и сенаторы вычистили из текста такие выражения, как “бесполезное поддержание жизни” и “эксессивное терапевтическое усердие”, как “вызывающие неоднозначную оценку в обществе”. Политкорректность в Европе – превыше всего» [11]. Данный вывод поддержан и профессором Г. Б. Романовским [12].

«Дело Ламбера» – история с продолжением. 26 июня 2015 г. родители Винсента подают обращение о пересмотре Постановления ввиду новых об-

стоятельств, имеющих значение для дела. Но 6 июля 2015 г. ЕСПЧ отказывается в принятии заявления. 15 июля 2015 г. медицинские работники приглашают всех родственников, поскольку принимается решение об отключении аппаратуры жизнеобеспечения. Однако родители обратились в правоохранительные органы с заявлением о покушении на убийство. 23 июля медики восстанавливают систему жизнеобеспечения и обращаются в административный суд с заявлением о прекращении лечения. Суд 9 октября 2015 г. отклоняет заявление, указав, что только медицинский работник может принять решение о ходе лечения. 10 марта 2016 г. жена Винсента Рашель назначается его опекуном решением суда, но адвокат родителей обжалует это решение. 8 июля 2016 г. законность опекуинства Рашель подтверждена решением Апелляционного суда Реймса [13]. 8 декабря 2016 г. Верховный суд Франции отклонил жалобу родителей и подтвердил опекуинство Рашель [14]. СМИ Франции изрядно устали от судебной тяжбы, называя ее в своих публикациях «мыльной оперой».

Необходимо выделить уже целый пласт решений ЕСПЧ, посвященных праву на смерть. В каждом из них поднимается важный вопрос – прекращение правосубъектности гражданина. Дополнительным моментом служит возможность вовлечения государства в перечень позитивных обязательств по выполнению данного решения. К таковым решениям следует отнести следующие: Постановление по делу «Претти против Соединенного Королевства» (от 29 апреля 2002 г.), Постановление по делу «Хаас против Швейцарии» (от 20 января 2011 г.), Постановление по делу «Кох против Германии» (от 19 июля 2012 г.), Постановление по делу «Гросс против Швейцарии» (от 14 мая 2013 г.).

В «деле Кох» заявителем выступал супруг госпожи Кох, которая обращалась за рецептом на летальную дозу медицинского препарата в Германии, не получила его, выехала в Швейцарию, где и свела счеты с жизнью. Супруг настаивал на нарушениях прав человека со стороны германских властей.

В каждом из приведенных постановлений ЕСПЧ уклонялся от конкретных правил о допустимости ассистируемого врачом суицида и толковании права на жизнь в контексте права на смерть. В основе такого положения всегда был вывод об отсутствии в странах Европейского Союза консенсуса по столь сложному этическому вопросу. Это позволяло ссылаться на свободу усмотрения. Само государство должно принять правильное для себя решение.

Таким образом, приведенная практика позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Европейская правозащитная практика исходит из отрицания права на смерть как самостоятельного права, принадлежащего гражданину, которое может быть защищено международными институтами (Европейским Судом по правам человека).

2. Достижения в современной медицине раздвигают знания о процессе умирания человека, что заставляет реагировать право на возникающую действительность.

3. Правосубъектность гражданина в ряде случаев может не прекращаться с момента смерти, поскольку процесс умирания имеет определенные стадии, растянутые во времени.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов [и др.] ; под ред. Л. В. Санниковой. – М. : Статут, 2015. – 662 с.
2. **Романовская, О. В.** Законные представители в здравоохранительных правоотношениях / О. В. Романовская // Менеджер здравоохранения. – 2013. – № 11. – С. 34–43.
3. **Романовский, Г. Б.** Статус эмбриона в современном праве / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. – 2011. – № 12. – С. 23–32.
4. **Романовский, Г. Б.** Проблемы законодательного определения момента рождения ребенка. Когда именно в период родов можно считать ребенка живым? Правовые последствия определения момента рождения / Г. Б. Романовский // Правовые вопросы в здравоохранении. – 2014. – № 11. – С. 72–87.
5. **Романовский, Г. Б.** Насцитурус в семейно-правовых отношениях и современная биомедицина / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская // Семейное и жилищное право. – 2013. – № 6. – С. 23–27.
6. Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
7. **Романовская, О. В.** Правовые основы использования тела, органов и тканей умершего человека / О. В. Романовская // Менеджер здравоохранения. – 2013. – № 10. – С. 65–70.
8. **Goldenberg, S.** Crash victim wakes up after 20 years in a coma / S. Goldenberg // The Guardian. – 2003. – 9 July. – URL: <http://www.theguardian.com/world/2003/jul/09/usa.suzannegoldenberg>
9. Man in coma wakes up after 13 years // China Daily. – 2009. – 20 July. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-07/20/content_8447436.htm
10. В Польше пришел в себя 65-летний мужчина, впавший в кому при коммунизме 19 лет назад (05.06.2007) // Grandex.ru – медицинский информационный портал. – URL: <http://grandex.ru/medicine/news/7162.html>
11. **Ковлер, А. И.** Право на жизнь и «автономия личности»: Постановление Большой Палаты Европейского суда по правам человека по делу «Ламбер и другие против Франции» / А. И. Ковлер // Международное правосудие. – 2015. – № 3. – С. 52–55.
12. **Романовский, Г. Б.** О праве на самоубийство / Г. Б. Романовский // Гражданин и право. – 2016. – № 8. – С. 19–30.
13. **Beguín, F.** Affaire Vincent Lambert: la justice confirme la tutelle de sa femme / F. Beguín // Le Monde. – 2016. – 8 July.
14. **Blavignat, Y.** Affaire Vincent Lambert: la justice confirme l'attribution de la tutelle à son épouse / Y. Blavignat // Le Figaro. – 2016. – 8 Dec.

References

1. Barkov A. V., Gabov A. V., Golubtsov V. G. et al. *Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii. Postateynyy kommentariy k glavam 1–5* [The civil code of the Russian Federation. Item-by-item comments to chapters 1–5]. Moscow: Statut, 2015, 662 p.
2. Romanovskaya O. V. *Menedzher zdravookhraneniya* [Healthcare manager]. 2013, no. 11, pp. 34–43.
3. Romanovskiy G. B. *Grazhdanin i pravo* [A citizen and the law]. 2011, no. 12, pp. 23–32.
4. Romanovskiy G. B. *Pravovye voprosy v zdravookhraneni* [Legal issues in healthcare]. 2014, no. 11, pp. 72–87.
5. Romanovskiy G. B., Romanovskaya O. V. *Semeynoe i zhilishchnoe pravo* [Family and housing law]. 2013, no. 6, pp. 23–27.
6. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected laws of the Russian Federation]. 2011, no. 48, art. 6724.

7. Romanovskaya O. V. *Menedzher zdravookhraneniya* [Healthcare manager]. 2013, no. 10, pp. 65–70.
8. Goldenberg S. *The Guardian*. 2003, 9 July. Available at: <http://www.theguardian.com/world/2003/jul/09/usa.suzannegoldenberg>
9. *China Daily*. 2009, 20 July. Available at: http://www.chinadaily.com.cn/china/2009-07/20/content_8447436.htm
10. *Grandex.ru – meditsinskiy informatsionnyy portal* [Grandex.ru – medical information portal]. Available at: <http://grandex.ru/medicine/news/7162.html>
11. Kovler A. I. *Mezhdunarodnoe pravosudie* [International justice]. 2015, no. 3, pp. 52–55.
12. Romanovskiy G. B. *Grazhdanin i pravo* [A citizen and the law]. 2016, no. 8, pp. 19–30.
13. Beguin F. *Le Monde*. 2016, 8 July.
14. Blavignat Y. *Le Figaro*. 2016, 8 Dec.

Рыжова Анастасия Андреевна

аспирант, Пензенский государственный университет (Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: olga.r04@mail.ru

Ryzhova Anastasiya Andreevna

Postgraduate student, Penza State University (40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 342.72

Рыжова, А. А.

Право на смерть и прекращение конституционной правосубъектности гражданина / А. А. Рыжова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 40–48. DOI: 10.21685/2072-3016-2017-2-4